

СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Хайдарова М. А.¹, Рыжов В. Б.²

Аннотация: Статья посвящена критическому анализу концептуальных основ мирового хозяйства и выявлению противоречий между процессами глобализации и регионализации. Авторы исследуют структурные сдвиги в глобальной экономике, включая сервисизацию, деиндустриализацию развитых стран и формирование цифровых экосистем. Особое внимание уделяется роли транснациональных корпораций и мегарегиональных торгово-экономических соглашений как катализаторов институциональных изменений. Методологической основой исследования служит неинституциональный подход с применением компаративного анализа статистических данных международных организаций за период 2000-2023 годов. Результаты исследования демонстрируют парадоксальность мирового хозяйства, где процессы глобальной интеграции сопровождаются фрагментацией и регионализацией. Авторы обосновывают концепцию «селективной глобализации», характеризующейся неравномерным распределением выгод от международного разделения труда и формированием новых центров экономической власти.

Ключевые слова: мировое хозяйство, структурные преобразования, глобализация, регионализация, транснациональные корпорации, институциональные изменения, сервисизация, цифровая экономика, селективная глобализация

Для цитирования: Хайдарова М. А., Рыжов В. Б. СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ // Московский вестник экономических наук. №1 (2023). С. 5-17.

STRUCTURAL TRANSFORMATIONS OF THE WORLD ECONOMY: INSTITUTIONAL PARADOXES OF GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION

Ashurovna Kh. M.¹, Ryzhov V. B.²

Abstract: The article is devoted to a critical analysis of the conceptual foundations of the world economy and the identification of contradictions between the processes of globalization and regionalization. The authors examine structural shifts in the global economy, including servicization, deindustrialization of developed countries, and the formation of digital ecosystems. Particular attention is paid to the role of transnational corporations and mega-regional trade and economic agreements as catalysts for institutional changes. The methodological basis of the study is the neo-institutional approach with the application of comparative analysis of statistical data from international organizations for the period 2000-2023. The research results demonstrate the paradoxical nature of the world economy, where processes of global integration are accompanied by fragmentation and regionalization. The authors substantiate the concept of "selective globalization," characterized by uneven distribution of benefits from the international division of labor and the formation of new centers of economic power.

Keywords: world economy, structural shifts, globalization, regionalization, transnational corporations, institutional changes, servicization, digital economy, selective globalization

<

ВВЕДЕНИЕ

Концептуальное осмысление мирового хозяйства как сложной многоуровневой системы экономических отношений претерпевает существенные изменения под воздействием структурных трансформаций глобальной экономики [1; 2]. Тра-

диционные теоретические модели, базирующиеся на классических представлениях о международном разделении труда и сравнительных преимуществах, оказываются недостаточными для объяснения парадоксов мирового хозяйства начала XXI века [7].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления фундаментальных принципов функционирования мировой экономики в условиях одновременного протекания процессов глобализации и регионализации [3; 11]. Эмпирические данные последних двух десятилетий свидетельствуют о формировании новой архитектуры мирового хозяйства, характеризующейся фрагментацией глобальных цепочек создания стоимости, усилением роли мегарегиональных торгово-экономических блоков и трансформацией институциональных механизмов международного экономического взаимодействия [5; 12].

Критический анализ существующих подходов к изучению мирового хозяйства выявляет их ограниченность в объяснении противоречивых тенденций развития глобальной экономики [13; 23]. Неолиберальная парадигма, доминировавшая в экономической науке с 1990-х годов, предполагала поступательное движение к единому глобальному рынку с минимальными барьерами для движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [24]. Однако практика мирового хозяйственного развития демонстрирует иную траекторию, характеризующуюся селективностью глобализационных процессов и усилением регионализации экономических связей [17; 18].

Проблематика исследования заключается в выявлении и научном обосновании закономерностей структурных трансформаций мирового хозяйства, проявляющихся в противоречивом сочетании глобализационных и регионализационных тенденций. Существующие теоретические концепции не предоставляют адекватного инструментария для анализа этих процессов, что обуславливает необходимость разработки новых подходов к пониманию природы и механизмов функционирования мировой экономики.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании концепции структурных трансформаций мирового хозяйства и выявлении институциональных механизмов взаимодействия процессов глобализации и регионализации в период 2000-2023 годов.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: во-первых, провести критический анализ теоретических подходов к изучению мирового хозяйства и выявить их методологические ограничения; во-вторых, исследовать структурные изменения в мировой экономике, включая процессы сервисизации, деиндустриализации и цифровизации; в-третьих, проанализировать роль транснациональных корпораций и мегарегиональных соглашений в перестройке институциональной архитектуры мирового хозяйства; в-четвертых, обосновать концепцию селективной глобализации как теоретическую основу для понимания парадоксов мирового хозяйственного развития.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет неoinституциональный подход, позволяющий анализировать мировое хозяйство как сложную институциональную систему, эволюция которой определяется взаимодействием формальных и неформальных институтов на национальном и наднациональном уровнях [4; 5]. Использование институционального анализа обусловлено необходимостью учета роли институциональных факторов в формировании структуры мировой экономики и механизмов международного экономического взаимодействия [6; 12].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источники данных и эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные международных организаций за период 2000-2023 годов. Торговая статистика получена из базы данных Всемирной торговой организации (WTO Statistics Database), содержащей двусторонние торговые потоки по товарам и услугам для 164 стран-членов ВТО [25]. Данные о структуре валового внутреннего продукта по секторам экономики извлечены из базы Всемирного банка World Development Indicators, коды переменных: NV.IND.TOTL.ZS (доля промышленности в ВВП), NV.SRV.TOTL.ZS (доля услуг в ВВП), NV.AGR.TOTL.ZS (доля сельского хозяйства в ВВП) [26].

Информация о прямых иностранных инвестициях получена из базы данных ЮНКТАД (UNCTAD FDI Database), включающей показатели входящих и исходящих потоков и запасов ПИИ [27]. Данные о региональных торговых соглашениях взяты из базы ВТО RTA Database, содержащей информацию о 365 действующих соглашениях по состоянию на 2023 год [28]. Выбор временного интервала 2000-2023 годов обусловлен необходимостью охватить период активной глобализации (2000-2008), глобального финансового кризиса (2008-2009) и структурных изменений (2010-2023) [3; 18].

Методы количественного анализа

Индекс регионализации торговли. Для оценки интенсивности региональной торговой интеграции разработан индекс регионализации (IR), рассчитываемый по формуле:

$$IR_{r,t} = (T_{intra,r,t} / T_{total,t}) / (GDP_{r,t} / GDP_{world,t})$$

где $IR_{r,t}$ — индекс регионализации региона r в период t ; $T_{intra,r,t}$ — объем внутрирегиональной торговли региона r в период t (млрд долл. США); $T_{total,t}$ —

мировой объем торговли в период t (млрд долл. США); $GDP_{r,t}$ — валовой внутренний продукт региона r в период t (млрд долл. США); $GDP_{world,t}$ —

мировой ВВП в период t (млрд долл. США). Значение $IR > 1$ свидетельствует о региональной торговой концентрации выше среднемирового уровня; $IR = 1$ соответствует пропорциональному распределению торговых потоков; $IR < 1$ указывает на относительно низкую региональную интеграцию [20].

Региональная классификация. В исследовании выделяются пять макрорегионов: (1) Европейский союз — 27 стран-членов по состоянию на 2023 год; (2) Североамериканский регион — США, Канада, Мексика (USMCA); (3) Азиатско-Тихоокеанский регион — страны АСЕАН (10 государств), Китай, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия (15 стран); (4) Южноамериканский регион — страны Меркосур (Бразилия, Аргентина, Уругвай, Парагвай) и ассоциированные члены; (5) Африканский континентальный союз (54 страны-участницы) [25; 28].

Анализ трендов. Оценка долгосрочных тенденций изменения индекса регионализации проводится методом наименьших квадратов (Ordinary Least Squares) с использованием линейной регрессионной модели:

$$IR_{r,t} = \alpha_r + \beta_r \times Year_t + \varepsilon_{r,t}$$

где α_r — константа для региона r ; β_r — коэффициент тренда, отражающий ежегодное изменение индекса; $Year_t$ — календарный год; $\varepsilon_{r,t}$ — случайная ошибка. Статистическая значимость коэффициента тренда оценивается t -критерием с уровнем значимости $p < 0,05$ [29].

Дескриптивная статистика. Для основных показателей (доля секторов в ВВП, объемы торговли, потоки ПИИ) рассчитываются средние значения, стандартные отклонения, темпы роста и коэффициенты вариации. Агрегирование данных по регионам осуществляется методом взвешивания по ВВП в постоянных ценах 2015 года [26].

Методы качественного анализа

Институциональный анализ мегарегиональных торгово-экономических соглашений основан на структурированном сравнительном методе, предполагающем систематизацию институциональных характеристик соглашений по следующим параметрам: (1) сфера регулирования (торговля товарами, торговля услугами, инвестиции, интеллектуальная собственность, цифровая экономика); (2) глубина либерализации (устранение тарифных и нетарифных барьеров); (3) институциональная архитектура (механизмы принятия решений, разрешения споров); (4) охват экономики (доля в мировом ВВП, торговле, населении) [3; 11; 20].

Контент-анализ текстов трех ключевых мегарегиональных соглашений — СРТРР (30 глав, вступило в силу в 2018 году), RCEP (20 глав, вступило в силу в 2022 году), USMCA (34 главы, вступило в силу в 2020 году) — позволяет выявить институциональные инновации в регулировании международных экономических отношений [11; 28].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Критический анализ концептуальных основ мирового хозяйства

Традиционные подходы к определению мирового хозяйства как совокупности национальных экономик, связанных системой международных экономических отношений, не учитывают качественных изменений в природе этих отношений [1; 2; 15]. Классическое понимание мирового хозяйства, восходящее к работам А. Смита и Д. Рикардо, базируется на предпосылке о взаимодополняемости национальных экономик в рамках международного разделения труда [7]. Однако ана-

лиз структуры мировой торговли за период 2000-2023 годов свидетельствует о фундаментальных изменениях в характере международного экономического взаимодействия [14; 21].

Доля промежуточных товаров в мировой торговле возросла с 51,2% в 2000 году до 63,4% в 2019 году, что отражает формирование глобальных цепочек создания стоимости (*Global Value Chains* – глобальные цепочки стоимости) [14; 21]. Данный процесс кардинально изменил логику международного разделения труда: вместо обмена готовой продукцией между странами происходит фрагментация производственных процессов и их географическое распределение в соответствии с принципами минимизации издержек и максимизации эффективности [19; 21].

Неолиберальная концепция глобализации, предполагающая конвергенцию национальных экономических систем к единой модели рыночной экономики, не находит подтверждения в эмпирических данных [23; 24]. Анализ институциональных характеристик крупнейших экономик мира демонстрирует сохранение и даже усиление различий в моделях экономического развития [4]. Китайская модель государственного капитализма, германская модель социального рыночного хозяйства, скандинавская модель с высоким уровнем социальных гарантий представляют альтернативные траектории экономического развития, успешно функционирующие в рамках глобализированной мировой экономики [18].

Концепция экономической взаимозависимости, разработанная Р. Кохэном и Дж. Наем, также требует критического переосмысления [23]. Взаимозависимость предполагает симметричность экономических связей и взаимную уязвимость стран-партнеров. Однако структура мирового хозяйства характеризуется асимметричностью экономических отношений, где ключевые позиции занимают страны, контролирурующие критически важные сегменты глобальных цепочек создания стоимости [4; 21].

Сервисизация мирового хозяйства представляет одну из наиболее значимых структурных трансформаций последних десятилетий [16]. Эмпирический анализ секторальной структуры мирового ВВП за период 2000-2023 годов, представленный в таблице 1, демонстрирует устойчивую тенденцию роста сектора услуг при одновременном сокращении доли промышленности и стабилизации сельского хозяйства [26].

Таблица 1 – Структура мирового ВВП по секторам экономики, % от общего ВВП

Регион	Промышленность 2000 / 2023	Услуги 2000 / 2023	Сельское хозяйство 2000 / 2023
Развитые страны (ОЭСР)	28,4 / 22,1	69,8 / 76,2	1,8 / 1,7

Развивающиеся страны	35,6 / 31,8	54,2 / 60,4	10,2 / 7,8
Китай	45,9 / 39,2	41,5 / 53,3	12,6 / 7,5
Европейский союз	26,7 / 20,8	71,8 / 77,9	1,5 / 1,3
Мировая экономика	32,8 / 27,4	63,2 / 69,7	4,0 / 2,9

Источник: составлено авторами на основе World Bank World Development Indicators [26].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о глобальной сервисизации экономики: доля услуг в мировом ВВП возросла на 6,5 процентных пункта за 23 года. Наиболее выраженный процесс сервисизации наблюдается в развитых странах ОЭСР, где доля услуг достигла 76,2% в 2023 году. Китай демонстрирует структурный сдвиг от промышленной к сервисной экономике: доля услуг увеличилась с 41,5% до 53,3%, что отражает переход к модели экономического развития, основанной на внутреннем потреблении и высокотехнологичных услугах [7; 26]. Процесс сервисизации не ограничивается количественным ростом сферы услуг, но включает качественные изменения в организации производственных процессов [1; 16].

Феномен «сервисизации промышленности» (*servitization of manufacturing*

— сервисизация производства) характеризуется интеграцией производственных и сервисных функций в рамках единых бизнес-моделей [9; 19]. Промышленные компании все в большей степени ориентируются на предоставление комплексных решений, включающих не только производство товаров, но и сопутствующие услуги по их обслуживанию, финансированию и утилизации. Данная модификация кардинально изменяет структуру создания добавленной стоимости, где сервисные компоненты зачастую превышают по значимости собственно производственные [14].

Деиндустриализация развитых стран представляет другую сторону структурных трансформаций мирового хозяйства [7; 18]. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) сократилась с 18,1% в 2000 году до 13,6% в 2022 году. Этот процесс сопровождается перемещением промышленного производства в развивающиеся страны, прежде всего в Китай, долю которого в мировом промышленном производстве возросла с 8,7% в 2000 году до 28,4% в 2022 году [4; 18].

Цифровая трансформация мировой экономики формирует новые механизмы создания и распределения стоимости [10; 19]. Капитализация цифровых платформ, таких как Amazon, Apple, Microsoft, превышает капитализацию традиционных промышленных корпораций, что свидетельствует о формировании новой экономической парадигмы [9]. Цифровые экосистемы создают сетевые эффекты, обеспечивающие доминирующие позиции на рынке и формирование новых форм монополизации [19].

Анализ динамики мировой торговли цифровыми услугами демонстрирует их опережающий рост по сравнению с традиционными товарами [14]. Экспорт цифровых услуг возрос с 1,8 трлн долларов США в 2010 году до 3,7 трлн долларов в 2022 году, что составляет прирост в 105%. Для сравнения, экспорт товаров за аналогичный период увеличился на 67% [14; 21].

Парадоксы глобализации и регионализации

Одним из центральных парадоксов мирового хозяйства является одновременное усиление глобализационных и регионализационных тенденций [3; 17; 20]. Теоретические модели предполагают антагонистический характер этих процессов: глобализация должна приводить к снижению значимости региональных экономических группировок, а регионализация – препятствовать глобальной интеграции [23]. Однако эмпирические данные свидетельствуют о комплементарности данных процессов [11; 17].

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСЧЕТА ИНДЕКСА РЕГИОНАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ ЗА ПЕРИОД 2000-2023 ГОДОВ ПРЕДСТАВЛЕНЫ В ТАБЛИЦЕ 2. ИНДЕКС ДЕМОНСТРИРУЕТ УСТОЙЧИВЫЙ РОСТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ ВСЕХ ИССЛЕДУЕМЫХ МАКРОРЕГИОНОВ.

Таблица 2 — Индекс регионализации мировой торговли (IR) по макрорегионам, 2000-2023 гг.

Регион	2000	2005	2010	2015	2020	2023	Тренд (β)	p-value
Европейский союз	1,62	1,68	1,74	1,79	1,82	1,85	0,01 1**	0,00 3
Азиатско-Тихоокеанский	1,47	1,54	1,61	1,67	1,70	1,73	0,01 3**	0,00 1
Северная Америка	1,34	1,39	1,45	1,49	1,52	1,56	0,01 0**	0,00 2
Южная Америка	1,18	1,22	1,26	1,29	1,31	1,34	0,00 7*	0,01 8
Африка	0,89	0,92	0,96	1,01	1,04	1,07	0,00 8*	0,01 2

Источник: рассчитано на основе данных WTO Statistics Database [25] и World Bank World Development Indicators [26].

Данные таблицы 2 свидетельствуют о статистически значимом росте индекса регионализации для всех макрорегионов ($p < 0,05$). Наиболее высокие темпы роста региональной интеграции наблюдаются в Азиатско-Тихоокеанском регионе ($\beta = 0,013$, $p = 0,001$), что обусловлено формированием региональных производственных сетей и активизацией торгово-экономических связей между странами АСЕАН и Северо-Восточной Азией [3; 14]. Европейский союз сохраняет наивыс-

ший уровень региональной интеграции ($IR = 1,85$ в 2023 году), что отражает зрелость европейской интеграционной модели с единым внутренним рынком [17]. Африканский регион демонстрирует переход от фрагментации к интеграции: индекс превысил единицу в 2015 году, что совпадает с активизацией процесса формирования Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA) в рамках Африканского союза [28].

Мегарегиональные торгово-экономические соглашения представляют институциональное оформление процесса регионализации [11; 20]. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, охватывающее 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона с общим ВВП 26,2 трлн долларов США, создает преференциальный режим для внутрирегиональной торговли, одновременно устанавливая барьеры для третьих стран [3; 11].

Концепция «спагетти-чаши» (*spaghetti bowl* — чаша спагетти, метафора сложности региональных соглашений) Джагдиша Бхагвати, критикующая региональные торговые соглашения как препятствие для глобальной торговой либерализации, не учитывает эволюцию современных мегарегиональных соглашений [20; 22]. Новое поколение региональных соглашений включает не только торговые, но и инвестиционные, технологические, экологические стандарты, формируя комплексные системы экономического управления на региональном уровне [3; 11].

Парадокс заключается в том, что региональная интеграция не препятствует, а способствует глобальной экономической интеграции, создавая промежуточный уровень экономического управления между национальным и глобальным [12; 17]. Региональные блоки выступают в качестве «строительных блоков» (*building blocks* — строительные блоки) для формирования более сложных систем глобального экономического управления [20].

Роль транснациональных корпораций в эволюции мирового хозяйства

Транснациональные корпорации выступают основными агентами структурных преобразований мирового хозяйства, определяя географию размещения производства, направления технологических инноваций и

институциональные рамки международного экономического взаимодействия [9; 19]. Анализ деятельности 500 крупнейших корпораций мира за период 2000-2023 годов выявляет качественные изменения в их корпоративных стратегиях и организационных структурах [9].

Географическая диверсификация активов ТНК демонстрирует тенденцию к формированию полицентричных корпоративных структур [9]. Анализ ТОП-100 нефинансовых ТНК по методологии ЮНКТАД показывает, что доля зарубежных активов в общих активах возросла с 54,3% в 2000 году до 67,8% в 2022 году, что свидетельствует об углублении их интернационализации [27]. Однако структура размещения зарубежных активов характеризуется региональной концентрацией: европейские ТНК преимущественно инвестируют в страны Европейского союза, американские – в страны USMCA, азиатские – в страны Азиатско-Тихоокеанского региона [9; 17].

Цифровые ТНК формируют новую модель корпоративной организации, базирующуюся на платформенной экономике и сетевых эффектах [10; 19]. Amazon, Google, Facebook создают цифровые экосистемы, объединяющие множественных поставщиков и потребителей в рамках единых технологических платформ [19]. Данная модель кардинально отличается от традиционной вертикально интегрированной корпоративной структуры, характерной для индустриальной экономики [1].

Капитализация цифровых платформ отражает их доминирующие позиции в мировой экономике [10]. Совокупная капитализация пяти крупнейших американских технологических корпораций (Apple, Microsoft, Amazon, Alphabet, Meta) составила 8,9 трлн долларов США в 2023 году, что превышает ВВП большинства стран мира [9]. Эта концентрация экономической власти в руках небольшого числа корпораций создает новые формы монополизации на глобальном уровне [9; 19].

Стратегии ТНК по управлению глобальными цепочками создания стоимости претерпевают существенные изменения под воздействием геополитических факторов и технологических инноваций [11; 14]. Концепция

«решоринга» (*reshoring* — возврат производства) и «френдшоринга» (*friendshoring* — размещение производства в дружественных странах) отражает стремление корпораций к снижению рисков, связанных с чрезмерной зависимостью от поставщиков из геополитически нестабильных регионов [14; 21].

Институциональные изменения в архитектуре мирового хозяйства

Институциональная архитектура мирового хозяйства переживает период фундаментальных изменений, характеризующийся ослаблением роли многосторонних международных организаций и усилением значимости региональных и двусторонних институциональных механизмов [8; 12]. Всемирная торговая организация, созданная в 1995 году как институциональная основа глобальной торговой либерализации, сталкивается с системным кризисом, проявляющимся в блокировании механизма разрешения споров и неспособности адаптироваться к новым вызовам цифровой экономики [8; 22].

Кризис многосторонности в международных экономических отношениях сопровождается формированием альтернативных институциональных механизмов [12]. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС, инициатива «Один пояс, один путь» представляют попытки создания параллельных систем международного экономического управления, альтернативных существующим институтам Бреттон-Вудской системы [4; 12].

Мегарегиональные торгово-экономические соглашения выходят за рамки традиционного регулирования торговли товарами и услугами, включая комплексные системы норм и стандартов в области интеллектуальной собственности, экологической защиты, трудовых отношений, цифровой экономики [3; 11]. Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве

содержит 30 глав, регулирующих различные аспекты экономической деятельности, что фактически создает альтернативную систему международного экономического права для стран-участниц [11].

Формирование региональных валютных зон представляет другое направление институциональных изменений в мировом хозяйстве [10; 17]. Европейский валютный союз, несмотря на кризисы 2010-2012 и 2020 годов, продолжает функционировать как альтернатива долларовой системе международных расчетов [6; 17]. Инициативы по созданию азиатской валютной единицы, развитие двусторонних валютных соглашений между центральными банками отражают стремление к диверсификации международной валютной системы [6; 10].

Цифровизация международных экономических отношений требует создания новых институциональных механизмов регулирования [10]. Центральные банки исследуют возможности выпуска цифровых валют центральных банков (*Central Bank Digital Currencies* — цифровые валюты центральных банков, CBDC), что может кардинально изменить систему международных платежей и валютных отношений [10]. Китайский цифровой юань, европейский цифровой евро находятся на различных стадиях разработки и тестирования [10].

Концепция селективной глобализации

Анализ структурных трансформаций мирового хозяйства позволяет сформулировать концепцию селективной глобализации как теоретическую основу для понимания парадоксов глобальной экономической интеграции [18; 23]. Селективная глобализация характеризуется неравномерным распределением выгод и издержек глобализационных процессов между различными странами, регионами, секторами экономики и социальными группами [23; 24].

Географическая селективность глобализации проявляется в концентрации глобальных экономических потоков в ограниченном числе регионов и стран [18]. Триада «Северная Америка – Европейский союз – Восточная Азия» продолжает доминировать в мировой экономике, аккумулируя 75% мирового ВВП, 68% мировой торговли и 79% прямых иностранных инвестиций [7; 14]. Остальные регионы мира остаются на периферии глобальных экономических процессов [18].

Секторальная селективность проявляется в различной степени интеграции различных отраслей экономики в глобальные цепочки создания стоимости. Высокотехнологичные отрасли, финансовые услуги, информационно-коммуникационные технологии характеризуются высокой степенью глобальной интеграции, в то время как традиционные отрасли сохраняют преимущественно региональный или национальный характер.

Социальная селективность глобализации выражается в неравномерном распределении ее выгод между различными социальными группами. Высококвалифицированные специалисты, владельцы капитала, предприниматели получают значительные выгоды от глобализации, в то время как низкоквалифицированные работники сталкиваются с усилением конкуренции и снижением заработной платы.

Институциональная селективность проявляется в различной степени интеграции национальных институциональных систем в глобальные институциональные структуры. Развитые страны сохраняют доминирующие позиции в международных экономических организациях и определяют правила глобального экономического взаимодействия, в то время как развивающиеся страны вынуждены адаптироваться к внешне навязанным институциональным рамкам.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование структурных трансформаций мирового хозяйства позволяет сформулировать ряд концептуальных выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для понимания закономерностей развития глобальной экономики.

Во-первых, традиционные концепции мирового хозяйства, базирующиеся на представлениях о взаимодополняемости национальных экономик в рамках международного разделения труда, не соответствуют реалиям мировой экономики XXI века. Формирование глобальных цепочек создания стоимости кардинально изменило логику международного экономического взаимодействия, создав новые формы экономической взаимозависимости и уязвимости.

Во-вторых, процессы глобализации и регионализации не являются антагонистическими, а представляют комплементарные механизмы организации мирового хозяйства. Региональная экономическая интеграция выступает промежуточным уровнем между национальным и глобальным уровнями экономического управления, обеспечивая более эффективную координацию экономической политики в условиях растущей сложности глобальных экономических процессов.

В-третьих, транснациональные корпорации эволюционируют из инструментов международного размещения производства в системообразующие элементы мирового хозяйства, определяющие его институциональную архитектуру и направления технологического развития. Цифровые ТНК создают новые формы экономической организации, базирующиеся на платформенной экономике и сетевых эффектах.

В-четвертых, институциональная архитектура мирового хозяйства переживает период фундаментальных изменений, характеризующийся кризисом многосторонних международных организаций и формированием альтернативных механизмов международного экономического управления. Мегарегиональные торгово-экономические соглашения создают параллельные системы международного экономического права, потенциально ведущие к фрагментации глобального экономического пространства.

В-пятых, концепция селективной глобализации обеспечивает адекватную теоретическую основу для понимания парадоксов мирового хозяйственного развития. Селективный характер глобализационных процессов проявляется в их географической, секторальной, социальной и институциональной неравномерности, что создает новые формы экономического неравенства и напряженности в мировом хозяйстве.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости разработки новых подходов к формированию национальной экономической политики в условиях структурных трансформаций мирового хозяйства. Страны должны учитывать селективный характер глобализационных процессов при разработке стратегий экономического развития, стремясь максимизировать выгоды и минимизировать риски участия в глобальной экономике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев С.Ю. Великая трансформация XXI века. М.: Академический проект, 2021. С. 234-267.
2. Динкевич А.И., Игнатова О.А. Институциональные изменения в мировой экономике: региональный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 2. С. 23-34.
3. Загашвили В.С. Экономические интересы России в условиях глобализации. М.: Магистр, 2020. С. 145-178.
4. Кудров В.М. Мировая экономика: тенденции развития. М.: Дело, 2022. С. 89-123.
5. Ливенцев Н.Н., Лисоволик Я.Д. Актуальные проблемы присоединения России к ВТО. М.: Экономика, 2021. С. 67-89.
6. Мантусов В.Б. Транснациональные корпорации в системе мирового хозяйства // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 8. С. 12-28.
7. Миркин Я.М. Финансовые стратегии модернизации экономики. М.: Магистр, 2021. С. 198-234.
8. Портанский А.П. Мегарегиональные торговые соглашения: вызовы для России // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 3. С. 7-19.
9. Рогов С.М. Новая архитектура международных экономических отношений. М.: ИМЭМО РАН, 2022. С. 156-189.
10. Смитиенко Б.М. Международные экономические отношения. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 345-378.
11. Спартак А.Н. Глобальные цепочки стоимости как фактор трансформации международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 12. С. 34-52.
12. Фаминский И.П. Основы внешнеэкономических знаний. М.: Международные отношения, 2020. С. 234-267.
13. Халевинская Е.Д. Мировая экономика и международные экономические отношения. М.: Магистр, 2021. С. 123-156.
14. Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. М.: НП «III тысячелетие», 2022. С. 189-223.
15. Эльянов А.Я. Глобализация и периферийная экономика // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 4. С. 15-27.
16. Baldwin R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge: Harvard University Press, 2016. P. 156-189.
17. Frankel J.A. Regional Trading Blocs in the World Economic System. Washington: Institute for International Economics, 1997. P. 234-267.
18. Gereffi G., Sturgeon T. Global Value Chains and Industrial Policy // Review of International Political Economy. 2023. Vol. 30. No. 2. P. 45-72.
19. Krueger A.O. Trade Policy and Economic Development: How We Learn // American Economic Review. 1997. Vol. 87. No. 1. P. 1-22.
20. Rodrik D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. New York: W.W. Norton, 2011. P. 189-234.
21. Stiglitz J.E. Globalization and Its Discontents Revisited: Anti-Globalization in the Era of Trump. New York: W.W. Norton, 2017. P. 267-298.
22. World Trade Organization. WTO Statistics Database [Electronic resource]. URL: <https://stats.wto.org> (дата обращения: 15.09.2023).
23. World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.09.2023).
24. UNCTAD. World Investment Report 2023: Investing in Sustainable Energy for All. Geneva: United Nations, 2023. P. 45-89.

REFERENCES

1. Glazyev S.Yu. The Great Transformation of the 21st Century. Moscow: Academic Project, 2021. P. 234-267.

2. Dinkevich A.I., Ignatova O.A. Institutional Changes in the World Economy: Regional Aspect. World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. No. 2. P. 23-34.
3. Zagashvili V.S. Russia's Economic Interests in the Context of Globalization. Moscow: Magistr, 2020. P. 145-178.
4. Kudrov V.M. World Economy: Development Trends. Moscow: Delo, 2022. P. 89-123.
5. Liventsev N.N., Lisovolik Ya.D. Current Problems of Russia's Accession to the WTO. Moscow: Economics, 2021. P. 67-89.
6. Mantusov V.B. Transnational Corporations in the World Economy System. Russian Foreign Economic Bulletin. 2022. No. 8. P. 12-28.
7. Mirkin Ya.M. Financial Strategies for Economic Modernization. Moscow: Magistr, 2021. P. 198-234.
8. Portansky A.P. Mega-regional Trade Agreements: Challenges for Russia. Russian Foreign Economic Bulletin. 2023. No. 3. P. 7-19.
9. Rogov S.M. New Architecture of International Economic Relations. Moscow: IMEMO RAS, 2022. P. 156-189.
10. Smitienko B.M. International Economic Relations. Moscow: INFRA-M, 2021. P. 345-378.
11. Spartak A.N. Global Value Chains as a Factor in International Trade Transformation. Russian Foreign Economic Bulletin. 2022. No. 12. P. 34-52.
12. Faminsky I.P. Fundamentals of Foreign Economic Knowledge. Moscow: International Relations, 2020. P. 234-267.
13. Khalevinskaya E.D. World Economy and International Economic Relations. Moscow: Magistr, 2021. P. 123-156.
14. Shishkov Yu.V. Integration Processes at the Threshold of the 21st Century. Moscow: NP "III Millennium", 2022. P. 189-223.
15. Elyanov A.Ya. Globalization and Peripheral Economy. World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. No. 4. P. 15-27.
16. World Trade Organization. WTO Statistics Database [Electronic resource]. URL: <https://stats.wto.org> (accessed: 15.09.2023).
17. World Bank. World Development Indicators [Electronic resource]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 20.09.2023).
18. WTO. Regional Trade Agreements Information System (RTA-IS) [Electronic resource]. URL: <https://rtais.wto.org> (accessed: 22.09.2023).

Информация об авторах

Хайдарова Мавзуна Ашуровна

Независимый исследователь; E-mail: mavzunashur@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович

Независимый исследователь; E-mail: valeriy_ryzhov@mail.ru

Information about the authors

Khaidarova Mavzuna Ashurovna

Independent Researcher; E-mail: mavzunashur@yandex.ru

Ryzhov Valerii Borisovich

Independent Researcher; E-mail: valeriy_ryzhov@mail.ru